

Юрий Бондарев

Непротивление

Часть первая

Глава первая

Он протиснулся сквозь гущу людей, сквозь смешанный гул голосов, крики, смех, грубую ругань, визгливые звуки шарманок, всхлипы, переборы аккордеонов и хриплые солдатские песни, сквозь сплошной вой этой пахнущей нездоровым потом толпы, хаотично толкающейся, сжатой в каком-то сумасшедшем круговороте, торгующей всем, чем можно было торговать, — от буханки хлеба, немецкого шоколада, русской водки до армейских сапог, кальсон и американских презервативов — он вырвался из этого стадного движения рынка и, оправляя едва не сорванный теснотой толпы китель, с облегчением остановился за палатками на краю тротуара, в тени под липами. Здесь тротуар и мостовая были засыпаны мусором, отбросами, обрывками газет, осколками бутылок, пустыми ящиками, смятыми папиросными коробками, заляпаны мякотью разбитых арбузов, размазней раздавленных помидоров. Было знойно, душно, послеобеденное солнце нещадно давило на гудевшее месиво людей, и здесь, за палатками, жидкая тень от лип не освежала потного лица, несло от мусора горячей вонью ржавой рыбы, гниющим тряпьем, — и Александру даже расхотелось курить. Он все-таки нащупал папиросу в кармане, кинул ее в рот и вошел в забегаловку на другой стороне улицы, переполненную в этот час до отказа.

— Доброго здоровьица! Огонька, а?

Кто-то, с клоунской ловкостью выкинув руку перед ним, чиркнул зажигалкой, и он увидел полоумно сморщенное подобием улыбки лицо паренька, похожего по растопыренным безмятежным глазам на юродивого, которые встречались на рынке возле шарманок. Александр прикурил.

— Привет, друг. Как сегодня Ираидочка? Зверь или кошечка?

— Дикобраз, единорог, — хихикнул паренек. — Угости, богатый офицер, «Беломором».

— Держи. Кто тебе сказал, что я богат?

Кислый, махорочный дым плавал в галдевшей пивной, изгибался толстыми удавами в полосах солнца над деревянными залитыми столами, окруженными парнями в старых гимнастерках, потертых кителях, плыл над стойкой, над рыжей крашеной головой толстой Ираиды, которая по-мужски держала в углу неумеренно покрашенных губ дымящуюся папиросу и, прищуря один глаз, сердито пересчитывала на блюдечке влажные рубли — сдачу какому-то тщедушному пареньку в очках, длинные волосы которого по-поповски лежали на воротнике куртки.

— Ирочка, — фальшиво-ласково заговорил Александр с мужеподобной продавщицей, то и дело озирающей пивную выпуклыми глазами,

обведенными краснотой век. — Ираида, — повторил он еще ласковее, — я сегодня без копыя. Если не жаль, то прошу, ласточка, порцию сосисок и кружку пива в долг. Завтра верну.

— Какая я тебе, к едреной матери, ласточка? Ишь птичку нашел! — грубо фыркнула малиновыми губами Ираида и грозно глянула вороньим взором. — Не подкатывайся зря! Сегодня все задарма лезут! Прогорю я с вами, дьяволами! С утра оккупировали пивную, а толку от вас — ни хрена!

— Ирка, заткнись! Дай парню выпить! Эльдар, одолжи воину гроши! — раздался голос из глубины пивной.

Длинноволосый парень покосился на Александра из-под очков, уже забирая сдачу, но тут же с ухмылкой бросил деньги обратно на блюдечко, сказал певуче:

— Так пусть будет еще кружка пива и еще сосиски.

— Ты из каких краев такой добрый? — насмешливо спросил Александр, оглядываясь на столики, откуда раздался приказывающий голос. — И кто это тобой командует? — Он взял тарелку с сосисками, кружку, кипевшую пеной, и, расставив локти, чтобы не толкнули, двинулся к столикам вместе с длинноволосым.

— Заворачивай сюда! Ставь закусон и пойло! — крикнул плотный парень в гимнастерке, с щетинистыми усами и ладонью махнул по столу, отодвигая пустые стаканы и кружки. — Садись, кореш, соседом! А ну, давай, давай, телись, возишься, как на свадьбе, монах патлаты! — Он почти вырвал стакан и кружку у длинноволосого, отхлебнул из стакана, запил водку жадными глотками пива, мотнул головой на Александра. — А ты чего не пьешь?

— Чокнуться хотел, — сказал Александр.

— Ох ты, какой интеллигентный.

— Да так как-то вроде поудобней, если приглашаешь сесть рядом.

— Давай чокнемся, коли охота есть.

Твердая рука с черной каемкой под широкими ногтями немного дрожала, но так крепко охватывала граненый стакан, что, казалось, стекло могло лопнуть. Кольнув остренькими точками крошечных глаз в самые зрачки Александра, парень чересчур сильно ударил стаканом в его кружку, так что выплеснулась водка, сказал:

— Я есть Гришка Логачев. Слышал такого в Замоскворечье? Слышал небось?

Александр отпил пахнущее железом пиво.

— Слышал.

— Что слышал?

— Если ты тот самый довоенный Гришка Логачев, то значит — голубятник и вор.

— Цыть, сволочь!

Гришка ребром ладони врезал по грязному столу, подскочили стаканы, пролившееся пиво поползло по кружке.

— Не цыкай, а то начну заикаться. Очень испугал.

Логачев ухмыльнулся.

— Силен, видать. Давно прибыл? Где грязь месил? На каких фронтах?

— Первый Украинский. Полковая разведка. А что?

— До каких чинов долез?

— лейтенант, — ответил неохотно Александр. — А что за интерес? Мы где — в пивной или в отделе кадров? Может, анкету еще тебе заполнить: воевал ли у белых, состоял ли в оппозициях, есть ли в семье репрессированные?

— Цыть! — опять стукнул ребром ладони Логачев. — Нишкни!

Александр поднялся, предупредил тихо:

— Еще раз цыкнешь, дам в морду.

Логачев привстал, с нескрываемым интересом в упор разглядывал Александра, облизнул щетинистые усы и снова сел.

— Ладно. Давай пить, — сказал пьяно и примирительно. — Не в ту сторону поперли. А ты вроде, парень, ежик, а? Давай, пей, братва, — обратился он к двум парням за столом, которые молчали во время разговора Логачева и Александра. — Эльдар, принеси-ка еще всем по стакашку с прицепом.

Он кинул длинноволосому розовые потертые тридцатки и впился крупными губами в край кружки, покряхтывая от удовольствия, обсасывая пивную пену с усов. Пока длинноволосый носил от стойки кружки и стаканы, выполняя в этой компании роль официанта, Александр рассмотрел соседей по столу. Напротив него сидел худощавый, тонколицый парень в кремовом, безупречно сшитом заграничном пиджаке с четырьмя орденскими планками на узком лацкане, светлые волосы лежали на красивом лбу колечками, делая его голову как бы кудрявой, задымленные веселой дерзостью глаза полуулыбались Александру. Кудрявый неторопливо отпивал пиво и, вроде забавляясь, поигрывал в руке маленькой трофейной финочкой, совсем игрушечной, изящной, с зеркальным лезвием. Слева от кудрявого сидел мрачноватый парень в летней добела выгоревшей гимнастерке, распиравшей крутые плечи, его угрюмо-непроницаемые глаза будто дремали: ни водка, ни пиво не возбуждали его, прижатые уши, ежик волос делали его похожим на боксера. Он равнодушно сунул лопатообразную руку в сторону Александра и так стиснул его пальцы, что суставы хрустнули.

— Зови Миша. Только не лейтенант, а старшина. Гвардейские минометы, — сказал он скучно.

— Значит, разведка? — спросил кудрявый, поигрывая финочкой. — Конная или пешая?

— Пешая.

— Выражаю сожаление.

— Это почему же?

— Люблю лошадей.

— На здоровье.

— Остри в другом месте, шуток не принимаю, — дерзкие глаза парня продолжали улыбаться, но тонкие губы передернулись. — Представляюсь, разведчик: бывший командир противотанковой батареи на конной тяге старший лейтенант Аркадий Кирюшкин. От Сталинграда до Зееловских. Понял, почему лошадь друг человека?

В солнечных полосах махорочный и папиросный дым фиолетовыми кольцами шевелился, перекручивался под потолком, голоса переполненной забегаловки гудели шмелиным гудом, пахло затхлой одеждой, горьковатой кислотой пива, сивушным духом водки; дверь хлопала, впуская новых посетителей, торгашей Дубинского рынка, в тесноте кое-кто из рыночных начал проталкиваться к столу, где было два свободных места, однако, заметив играющую блеском финочку в руке Кирюшкина, угрюмые глаза, ежик волос «боксера», молча оттирались в сторону. Кирюшкин повторил спокойным голосом:

— Лошадь — друг человека, кореш. Вместе были на передовой.

За соседним столом кто-то засмеялся с полным ртом:

— А собака — не друг разве? Сообразил, что в лужу треснул!..

Кирюшкин нехотя повернул кудрявую голову, не без удивления оглянул толстощекое лицо соседа, одетого в клетчатую ковбойку, истово жующего сосиску, поинтересовался:

— Это ты такой хохотальный мужчина?

— А что?

— Заткни подштанниками глотку, барыга.

— С какой это еще стати? — толстощекий перестал жевать, лицо стало сизо-багровым. — Ты кто такой здесь есть, что с ножиком балуешься?

Вокруг поубавился шум, замолкли голоса, потом ветерком прошелестело по столам пивной: «Это же Кирюшкин, что он, дурак мордастый, с ним связался?»

А Кирюшкин, суживая светлые глаза, продолжая играть финочкой меж тонких пальцев, еле приметно кивнул «боксеру». И тот, приоткрыв опухшие веки, по-медвежьи встал и, невнятно бормоча, что спекулянтские тыловые крысы его раздражают, не дают культурно отдохнуть, почти не глядя, легко поднял за шиворот толстощекого, рывком вытащил из-за стола. Затем бесцеремонно протиснул его сквозь толпу к выходу, вытолкнул за порог, головой толстощекого распахнув дверь. Там, за дверью, пискнуло: «Милиция», — и сейчас же стихло. Никто в забегаловке не сказал ни слова, только посторонились, когда «боксер» вернулся к столу и без всякого удовольствия на мрачноватом лице округлил и опустил брови, этим выражая удовлетворение расторопностью длинноволосого, успевшего каждому принести еще по кружке пива и стакану водки. Теперь длинноволосый, обликом похожий на монаха, сидел тихонько за столом, упираясь сухими кулачками в худой подбородок, и смотрел умным, влюбленным, укоряющим взором на Кирюшкина, а он с независимым спокойствием приводил финочкой в порядок ногти. Третий, тот, который пригласил Александра к

столу, посасывал пиво, как если бы ничего не случилось. Было видно, что их знают здесь, в этой прирыночной забегаловке, и побаиваются. Александр подумал, почему-то не удивляясь своей доверчивости:

«В странную попал я компанию. Заказали сосиски и пиво, пригласили к столу. Зачем, хотел бы я знать?»

— Не очень любезен ты, старший лейтенант, с этим... — Александр прищурился в сторону двери. — Он, собственно, ничего не сказал особенного...

— Кто может знать при слове «расставанье», какая нам разлука предстоит, — вдруг пропел дурашливым тенором длинноволосый и помахал в направлении двери ручкой. — Миша без причины никому витрину не разбивает. Каждому свое. Он только не любит, когда тыловики смеются. Над кем смеются, нечестивцы?

«Боксер» огромной лапицей взял стакан, с размаху опрокинул водку в широко разъятый рот и, раздувая ноздри, понюхал корочку хлеба.

— Много хохотает, тыловой клоп, — загудел он, отдуваясь. — Рыночный кровосос. Мясо перепродает. Иногда идохлое. На нюх я их беру, всех тыловых. Я в их... Жалею, что «катюши» сюда не привел. Шарахнуть бы по всем этим гнидам зажигательными.

— Подожди, шарахнем, — пообещал Кирюшкин, продолжая заниматься опрятностью ногтей. — Шарахнем прямой наводкой, аж чертям тошно станет. И ведьмы изойдут кровавым поносом.

— И будет плач и скрежет зубовой, — вставил длинноволосый и радостно окунул свой остренький нос в пиво.

— Хотите в тылу войну с тыловиками начать? — усмехнулся Александр.

— Что-то в этом роде на красном пароходе, — неопределенно ответил Кирюшкин и воткнул финочку в стол, поднял стакан. — Что не пьешь, разведчик? Как тебя? Сашок, кажется? Давай тяпнем за войну с тыловой мразью, это стоит того!

— Пока не сообразил, — сказал Александр. — В каком смысле?

В это время под столом послышался невнятный шорох, треск прутьев, донеслось яростное воркование, голубиное постанывание, и парень со щетинистыми усами, Логачев, внезапно весь как-то смягчился, засиял скуластым лицом, желтые искорки глаз стали нежными. Он наклонился и вытащил из под стола плетеный из прутьев садок, с тремя голубями, нервно задергавшими шейками на солнечном свете, среди дыма, тесноты уксусно пропахшей пивной.

— Красавцы золотые, душно вам здесь! Ох, ярый! Ревнует к черночистому! На дуэль вызывает, — восхищенно проговорил Логачев и осторожно пролез рукой в садок и так же осторожно, чтобы не задеть перьями за прутья, вытащил палевого голубя с женственно изящным зобом, с маленьким белым клювом, круглые янтарные глаза палевого в белых ободочках отмечали породистость и чистоту. И Александр, еще до войны

знакомый с голубиной мастью, как почти каждый замоскворецкий мальчишка, сказал:

— Хорош.

— Голодный и пить небось хочет, — сказал озабоченно Логачев и поднес голубя к своему умиленному лицу. — Пить хочешь?

Кирюшкин посоветовал:

— А ты, Гришуня, водкой его напои — и все дела. Шумел камыш заворкует, будем наслаждаться самодеятельностью. Твой любимый палевый, глядишь, тенорком затынет.

Широкое лицо Логачева стало сердитым.

— Ты моего палевого не обижай, Аркадий! Я его теперь и за сотнягу не отдам. Две четвертных сегодня отстегивали — послал подальше! Попей, попей, красавчик мой!

Он набрал в рот немного пива, взял клюв палевого в свои крупные губы и начал поить его, умиленно жмурясь.

— Боже, он так умрет, не надо! — вскричал длинноволосый в преувеличенном ужасе. — Отравится!

— Цыть! — Гришуня отмахнулся локтем. — Еще накаркаешь!

Кирюшкин с иронической усмешкой полез во внутренний карман заграничного пиджака, достал массивный золотой портсигар с выпуклой монограммой, с двуглавым орлом на крышке, раскрыл его нажатием кнопочки и предложил Александру выбрать американскую сигарету или папиросу «Герцеговину Флор», прижатые шелковой резинкой. Александр вытянул из-под резинки сигарету, поражаясь дорогому роскошеству портсигара и крупному темному перстню на мизинце этого самоуверенного парня, который, видимо, правил здесь. Портсигар пошел по кругу, «боксер» Миша выловил сосискообразными пальцами «Герцеговину Флор», длинноволосый не взял ничего, лишь благодарно нырнул остреньким носом («мерси»), а Логачев, опустив под стол садок с голубями, выдернул сигарету черными ногтями. Потом, закуривая, пододвинул к себе портсигар и, подозрительно скосясь сквозь дымок, долго рассматривал его, мундштуком сигареты топорща колючие усы, вкрадчиво спросил:

— Насовсем у Лесика одолжил музей?

— Одолжил? — Кирюшкин протянул к себе портсигар, четким щелчком захлопнул его, сунул во внутренний карман. — Маркса читал, голубиная башка? Вижу — не сечешь. Теоретически — экспроприировал. Практически — отобрал награбленное. И у Лесика нервишки сдают. — Он с видимым смакованием выпустил струю дыма, нанизал на нее колечки, заговорил превесело: — Вчера часиков в одиннадцать захожу со студентом, этим бородатым танкистом Билибиным, в «Эрмитаж», пивка выпить, поспорить, поговорить о том о сем, о Боге, о черте и вижу: столика через три сидит у самой эстрады Лесик с этим ушастым Гошкой Малышевым «Летучей мышью» и какой-то белобрысой пипочкой. Пьют на разгул, заказывают коньяк и шампанское. И не подшофе, а уже под булдой. Так. Ясно и отлично.

Говорю Билибину: смотри на тот столик, куда я сейчас пойду, и, как только дело запахнет порохом, бей бутылки, посуду на своем столе, вроде в пьяном обалдеже, для отвлечения внимания. Подхожу к столику. Лесик в состоянии булды ощерился: «Здорово, ты здесь? Садись!» Я лобызаться, конечно, с ним не собирался, но вынимаю портсигар, раскрываю его, кладу на стол: «Закуривай, урки с Зацепы! Угощаю по доброте душевной!» Лесик вскочил, зубы оскалил по-рыбьи: «Смеешься? Дырочку в черепашке получить захотел!» И одной рукой лапнул себя за грудь, где прятал пушку, а другой — за портсигар. Я говорю: «Сломаю руку, предатель, замолкни, переговорим потом. Если только я захочу». И вывернул из его руки портсигар, пошел к своему столику, слышу, за спиной пискнул этот ушастый Гошка: «Убить его мало, Лесик!» Я около своего столика обернулся, сказал: «Попадешь ко мне, уши вырву, Гошенька, плоскогубцами!» Тот, по-моему, упал в обморок и у...ся. Мы расплатились и ушли с Билибушкой, который был, как пружина, начеку, как и полагается танкисту.

«Я, кажется, их понимаю и не понимаю, — подумал Александр, слушая голоса этих незнакомых парней, видя выражение их глаз, их жесты, их манеру, в общем-то, нежадно пить водку, их неторопливую леность речи. — Что же, эти ребята в кустах не сидели. Но они — не мои ребята. Хотя мне нравится этот Кирюшкин, этот вспылчивый и добрый щетиноусый, этот похожий на юродивого длинноволосый...»

— Скажу тебе, Аркадий, не рискуй зря, вот какое дело, — проговорил размышляюще Логачев. — Я тебя очень уважаю. Но чую — перышко тебе меж лопаток Лесик втихую готовит. Он — сволочь коварная. Пушку он не применит. А куда полетишь с этим перышком, в ад или рай? Ты нам нужен, Аркаша, а не чертям в аду...

— Вот оно, перышко! — Кирюшкин с размаху всадил свою финочку в стол между указательным и средним растопыренными пальцами. — Нет таких чертей, Гришуня, которые бы мной не подавились! Нету их и в природе!

Они говорили, видимо, по привычке, негромко, но довольно ясно; вокруг них, за ближними столиками, разношерстные рыночные барыги были заняты своей водкой и сосисками, между тем по быстрым взглядам, по внезапному молчанию соседей, по наостренным ушам Александр замечал, что к разговору за их столом прислушивались, время от времени с заискивающим подобострастием взглядывая на Кирюшкина. И Александр видел: вокруг лоснились сизые, испитые, морщинистые лица, поблескивали между оплывшими веками вожделенно ожидающие глазки, механически жевали пустоту беззубые челюсти — закоренелые пропойцы, подобно рою мух, должно быть, слетались в забегаловку каждый раз, когда здесь появлялись с барышом голубятники во главе с Кирюшкиным.

После выпитых двух кружек пива Александру стало вдруг странно весело оттого, что он, никогда не пивший за чужой счет, сидел в этой незнакомой компании, неприятной ему чем-то, в то же время притягивающей той

знакомой ему нестеснительной манерой общения, к которой привык за три года в разведке, на одну треть состоящей из бывших уголовников, ребят во всех смыслах тертых. Александр, докуривая сигарету, сказал между прочим:

— Почему-то наш стол обращает на себя внимание.

— А ты чего и кого боишься? — усмехаясь, спросил Кирюшкин.

— Оч-чень. Поджилки дрожат. Неужто ты думаешь, что кого-нибудь и из вас я боюсь? — с горячей вспылчивостью поднял голову Александр. — Финочки и прочие ерундовины для меня не ново.

— Ладно. Пошутил. Забыто. — Кирюшкин безмятежно выбросил на стол из кармана брюк смятую пачку тридцаток, затем, не оборачиваясь, швырнул деньги через плечо на соседний столик, сказал:

— Алкашам на пропой. Но тосты... тосты должны греметь! Иначе — пьянство. Тосты прошу произносить за здоровье полкового разведчика Александра! Все! С вопросами обращайтесь к Эльдару, знаменитому монаху. — Он указал на длинноволосого. — Ко мне кто полезет с просьбами, получит по шарам, — добавил он и отодвинул недопитый стакан, мельком оглядел стол. — Ну? Будем еще? Или?..

— Почему они должны пить за мое здоровье? — пожал плечами Александр. — К чему это?

— Не твое дело, Саша. Будут пить и все. Приказ был. А тебе что — не нравится?

— Нет!

— Задираешься со мной, что ли? Напрасно.

— На кой черт алкаши будут пить за мое здоровье? Что за хреновина? Откуда они меня знают?

Кирюшкин вщелкнул финочку в какой-то тайный футлярчик на боку под пиджаком, обернулся с наклоном кудрявой головы к соседнему столу, где сизые лица шуршали тридцатками:

— Первый тост отменяется. Пейте за мое здоровье и всех голубятников Замоскворечья! Пора заканчивать! — обратился он к своему столу и сделал закругляющий жест. — А то вижу, мы намозолили некоторым глазки, хоть и начхать в три ноздри! Во-он, Сашок, глянь-ка в угол. Топтуна видел когда-нибудь?

Кирюшкин придвинулся, показал пальцем на угловой столик, там гладко выбритый бледный человек разговаривал с пьяной проституткой. Она слушала его и сипловато смеялась, наваясь пухлой грудью на стол. И глубоко, по-мужски затягивалась сигаретой, вздымала накрашенные брови, выталкивая дым через ноздри. Бледный человек обегал рассеянными глазами нетрезвое скопище людей — гимнастеров, пиджаков, кепок, пилотов, шевелящихся в сгущенном махорочном дыму, в гуле хмельных голосов, скользил по свекольным лицам возбужденных «пивняков», по известковым лицам мрачно-молчаливых алкоголиков и в этом скользящем, как бы случайном внимании на секунду натыкался на стол, где гуляли голубятники.

— Видал наблюдателя? — сказал Кирюшкин. — Разведчики и в тылу обитают. Сидит, курица подлая, и все засекает: кто, что и как. Я его раз семь здесь вижу. Неделю назад встретил его рано утром в дверях, говорю: «Надоел ведь, парень, как жених на свадьбе. Утром-то ради чего приперся? Никого ведь нет». А он: «Как вы смеете? Кто вам дал право оскорблять? Хулиган!» Я тихонько пообещал побить ему морду без свидетелей и вежливо послал его на ухо, и с тех пор он в мою сторону почти не смотрит. Опасается все-таки, сволочь. Хочешь, проверим?

И он самодовольно сузил задымленные дерзостью зеленые глаза.

— Слушай, — сказал Александр, подмываемый неожиданной волной сопротивления. — А ты малость рисуешься передо мной? Зачем? Я тебе не красна девица...

— Замолкни! И со мной не задирайся! Знай, сесть я не боюсь. Сибирь — тоже русская земля. Не пропаду. — Тонкие губы Кирюшкина сдавились в прямую полоску и, помолчав, он повторил: — Не пропаду. Нигде. И запомни: я злой, когда меня даже мизинцем задевают.

— Я тоже.

— Что «тоже»?

— Тоже. Бывает, — ответил Александр и с нарочитым безразличием спросил: — На кого злой, если не секрет?

— На всю эту тыловую сволочь. — Кирюшкин повел бровями на окна забегаловки, за которой шумел, галдел рынок, перекатываясь под солнцем черными валами толпы. — Каждого бы откормленного останавливал, спрашивал: «Воевал?» — «Нет». В морду. Мильтонов и лягавых ненавижу. Раз по дурусти попал к ним. Чуть ребра не переломали. Ногами били лягаши. Всю жизнь буду помнить. Эй, милай хмырь за угловым столом! — крикнул он насмешливо бледному человеку, разговаривающему с проституткой, и щелкнул пальцами. — Ты, ухо моржовое, наших баб не фалуй, а то у нас ревнивые есть!

— Пожалуйста, не тронь кодлу. Бог с ними, — несмело попросил длинноволосый, — не тронь, вонять не будет... Ну его...

Между тем бледный человек, услышав обращение Кирюшкина, выжал кисленькую улыбку и опять заговорил с пьяной проституткой, а она, подняв голову, повиляла по сторонам воспаленными белками, по-львиному раскрыла красный квадрат рта и рявкнула мужским голосом:

— Кто здесь насчет меня похабничает, пасть порву! Я десять лет замужем была!

Кто-то захихикал в пивной. Кто-то неразборчиво выматерился и сплюнул.

— Пьяна, Розочка, пьяна, — с сожалением произнес Кирюшкин, не обращая внимания на Розочку, и тотчас встал, застегивая американский пиджак, одергивая его, как гимнастерку, худощавый, сильный, как будто весь слитый из сухих мускулов. — Отстегни Ираидочке на сухари четвертак. Было, как всегда, образцовое обслуживание, — сказал он длинноволосому, и тот вскочил, кинулся к стойке.

Все поднялись следом за Кирюшкиным. Логачев вытянул из-под стола садок с голубями, «боксер» напялил кепочку на дынеобразную стриженую голову, по-замоскворецки с лихой кокетливостью надвинул ее на ухо — все приготовились выходить. Только оставался сидеть Александр над своей кружкой пива, и Кирюшкин несколько помедлил, проговорил полувопросительно:

— Может, с нами пойдешь, Сашок?

— Куда?

— Да хоть к Гришуне Логачеву. Его голубятню вроде музея надо посмотреть. И поговорить есть о чем. Здесь ведь только пить можно, в этом бардаке.

— Что ж, посмотрим голубятню, — как-то быстро согласился Александр и тоже поднялся, уже не раздумывая, не опасаясь легковесности решения, хотя понимал, что в этом его согласии есть нечто рискованное, самонадеянное, необъяснимое самому себе. Но эта компания незнакомых парней, голубятников, дерзкий Кирюшкин с манерами щедрого завсегдатая и благодетеля забегаловки, вырывала его из одиночества последних дней, как незабытое солдатское товарищество.

— Ну, пошли, братва. А ну, родные, дай пройти солдатам.

И Кирюшкин стал бесцеремонно протискиваться к выходу; остальные последовали за ним. Их пропускали, поспешно теснились с некоторой боязнью и заискивающими улыбками.

Рынок, знойно освещенный послеобеденным солнцем, пропахший сгущенными человеческими телами, послевоенный рынок со своей древней неразберихой, толкотней, криками, звуками гармоний и аккордеонов, топтанием на одном месте и одновременно каким-то резвым движением множества людей, одержимых продать или купить, подкатывал вплотную к дверям пивной. А здесь, на мостовой, гудела отделившаяся от главной толкучки толпа, в середине которой, сидя на деревянной тележке, хрипло и бешено кричал безногий парень в морской тельняшке. В окровавленной руке его зажато было лезвие бритвы. Он полосовал ею крест-накрест по широкой груди. Грязная тельняшка висела лоскутами, все больше набухая, пропитываясь кровью. Голова парня исступленно моталась, дергалась, как у контуженного, пьяные слезы текли по небритым щекам, лиловая пена пузырилась в углах распятых криком губ:

— Не подходи, не подходи, блямба, глаза вырежу! Не подходи, курва! Не лезь! Я сам своей жизни хозяин! Уйди, шлюха!.. — И яростно махал бритвой перед лицом растерянного пожилого человека в стареньком кителе, который неуклюже пытался его схватить за вооруженную лезвием руку, залитую кровью до локтя.

Вокруг переплетались возбужденные голоса:

— Да что он делает? Зарежет себя морячок!

— Прямо так по грудям и полосует! Белая горячка у него, а?

— Контуженный он! Убьет себя до смерти!

— Милицию позвать! Где она, милиция?

— Какая тебе еще, к такой матери, милиция? «Скорую» вызывать надо! Кровью изойдет!

И выкрики во взбудораженной этим жестоким самоистязанием толпе, дикое неистовство морячка, его обильные слезы на алкоголично-одутловатых щеках, исполосованная в крови тельняшка, подействовали на Александра как тошнотный позыв, смешанный с брезгливой жалостью к истерике пьяного калеки, и он, по-морщась, сказал равнодушно глянувшему на инвалида Кирюшкину:

— Давай все-таки обезоружим парня. Иначе он угробит себя.

— Оста-авь, не суетись, — лениво протянул Кирюшкин. — Это Митька-морячок, в контузии куражится. Перепил до охречения. Все подносят, а он нормы не знает. Жена от безногого ушла, дочь ушла, живет у матери. Как только напьется, все хочет себя на глазах у всех порезать.

— А какого дьявола мы смотрим!

— Здесь другое надо. Начнешь выхватывать у него бритву, так он себя по горлу полоснет, — сказал Кирюшкин и, зло заблестевшими глазами оглядев толпу возле дверей пивной, окружившую парня, вдруг крикнул пронзительным голосом непрекословной команды: — А ну, разойдись, шантрапа! Чего глазеее, как идиоты, на болезнь инвалида! Разойдись! Или начнем всем морды подряд бить дармоедовским шкурам! А ну, Миша, дай кому-нибудь в шею, чтоб поумнел малость!

«Боксер» Миша наугад взял за шиворот двоих зрителей из толпы и толкнул их в направлении рынка, приговаривая с ласковой угрозой:

— Давай, мотай отсюда, пока ноги из кузова не выдернул!

— Брось, брось фулиганничать! — крикнул кто-то. — Рукам воли не давай! А то мы тоже умеем!

Но толпа зашевелилась, начала рассеиваться, редеть, отодвигаясь от дверей забегаловки. Среди голов потекших в сторону рынка людей мелькнула фуражка милиционера, и Кирюшкин сказал, смеясь:

— Все. Власть появилась. Как всегда в последнюю очередь. Сейчас мильтон вызовет «Скорую» и Митьку отправят спасать. Не первый раз. Знаешь, что такое навязчивая идея?

— Не первый раз? — удивился Александр. — Этому парню лечиться надо. Добьет он себя.

Кирюшкин взглянул на него со снисходительной гримасой.

— Не наивнячок ли ты, Сашок? Кому он нужен? Зачем и для чего? Искалеченных митек тысячи. Отрада у них единственная — напиться до зеленых ангелов. И тут их никто не излечит. Пошли-ка, брат, лучше в голубятню Гришуни.

Они двинулись по тротуару, немного отстав от Логачева с садком под локтем, от «боксера» Миши, от длинноволосого, а позади рыдающий голос выкрикивал, как в безумии:

— Люди-и, не расходись! Гляньте, гляньте на урода войны! На ваших глазах проклятой жизни лишусь! Подохнуть хочу, как собака! Кранты — моя жизнь!..

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66